

Иван Алексеевич Бунин – выдающийся писатель и поэт, первый русский лауреат Нобелевской премии – родился 22 октября 1870 года в уездном Воронеже, в обедневшей дворянской семье. Если о ком-то и можно было сказать «ничего не предвещало», то явно не о нём – в роду Буниных практически каждый чем-то отличился: кто художник, кто поэт, кто иной видный деятель русской культуры и науки. С ранних лет, благодаря гувернёру, студенту Московского университета Николаю Ромашкову, он выучился читать – первыми его книгами были гомеровская «Одиссея» и сборник английской поэзии. Однако в мужской гимназии в Ельце, городке, рядом с которым поселилась семья Буниных через четыре года после его рождения, Иван Алексеевич проучился всего несколько лет. Посещал он её весьма неохотно, и был отчислен за неявку из «рождественского отпуска». Дальнейшее образование он получил в домашней обстановке, под контролем старшего брата, только завершившего классическое университетское образование.

Будучи человеком, в котором, по словам очевидцев, было много силы и жажды жизни, он довольно рано начал жить самостоятельно. В юные годы работал в канцеляриях, газетах, где был, кем придется – от корректора до театрального критика. Периодически куда-нибудь уезжал, затем вновь возвращался. Именно тогда проявилась его страсть к путешествиям.

Как любой писатель, был он, прежде всего, наблюдателем. Именно эта черта, вкупе с беспристрастностью суждений и стремлением к правдивости, определила его дальнейший творческий путь – как в России, так и, в дальнейшем, за рубежом. Интерес ко всему новому и чисто человеческая жажда общения с себе подобными позволили молодому Бунину, автору единственного в ту пору стихотворного сборника, довольно быстро войти в литературные круги России конца XIX века. В январе 1895 года Иван Алексеевич впервые приехал в Санкт-Петербург. За неполные две недели, проведённые в столице, он познакомился с критиком Николаем Михайловским, публицистом Сергеем Кривенко, поэтом Константином Бальмонтом, посетил редакцию журнала «Новое слово», встретил в книжном магазине писателя Дмитрия Григоровича, побывал дома у Алексея Жемчужникова. Как пишет Википедия: «Серия встреч была продолжена

в Москве и других городах. Придя к Толстому в его дом в Хамовниках, молодой литератор поговорил с писателем о только что вышедшем рассказе Льва Николаевича «Хозяин и работник». Позже состоялось его знакомство с Чеховым который удивил Бунина приветливостью и простотой: «я, – тогда ещё юноша, не привыкший к такому тону при первых встречах, – принял эту простоту за холодность». Первый разговор с Валерием Брюсовым запомнился революционными сентенциями об искусстве, громко провозглашаемыми поэтом-символистом: «Да здравствует только новое и долой всё старое!». Довольно быстро Бунин сблизился с Александром Куприным – они были ровесниками, вместе начинали вхождение в литературное сообщество и, по словам Ивана Алексеевича, «без конца скитались и сидели на обрывах над бледным летаргическим морем»¹.

В октябре 1912 года в интервью газете «Голос Москвы» Бунин признавался: «Путешествия играли в моей жизни огромную роль». И здесь, прежде всего, речь идёт о его поездках на Восток, и в частности, в Турцию. О тяге Бунина к восточным странам и интересе к мусульманским традициям писала в своих мемуарах его вторая (а по факту третья) жена, Вера Николаевна Муромцева-Бунина, говоря о Константинополе, городе для писателя очень значимом: «он в первый раз целиком прочёл Коран, который очаровал его, и ему захотелось непременно побывать в городе, завоёванном магометанами, полном исторических воспоминаний, сыгравшем такую роль в православной России, особенно в Московском царстве»². Интересуясь восточной культурой и полагая, что именно она должна стать одной из основ новой мировой культуры вкупе с западной, Бунин потом всю жизнь возил в чемоданчике этот русский перевод Корана, который был для него одной из постоянно читаемых книг.

Валентин Пруссаков, русско-американский писатель и журналист, назвал Бунина «главным мусульманином» русской поэзии. В одном из своих исследований он писал: «пожалуй, ни у кого из русских поэтов не было больше «мусульманских» стихов, чем у Ивана Алексеевича Бунина»³. Однако, по словам исследователя И. Таварацян, «для Бунина ислам не являлся узко культовым понятием: в истории народов, их религий, их прошлых и настоящих культур Бунин искал ответы на острые вопросы современности и пути преодоления мировоззренческих противоречий»⁴.

Первая поездка Бунина в Константинополь состоялась в 1903

¹ Википедия: https://ru.wikipedia.org/wiki/Бунин,_Иван_Алексеевич

² «Жизнь Бунина. Беседы с памятью», В.Н. Муромцева-Бунина. Изд. «Советский писатель», М., 1989 г.

³ Журнал «Россия и мусульманский мир», №5, 2005 г.

⁴ И. Таварацян. «Зелёное знамя жизни: ислам в творчестве И.А. Бунина». Журнал «Чётки», №1, 2007 г.

году, когда он переживал духовный кризис и, как следствие, упадок творческих сил. Город произвёл на него большое впечатление. «Я чрезвычайно доволен, что попал туда, жалею только, что пробыл там очень мало времени, и даю себе слово непременно побывать в Турции ещё раз», – писал он в своих письмах и путевых заметках. В его письме старшему брату Юлию читаем: «13 апр. (воскресенье) 1903 г. Вход в Босфор показался мне диковатым, но красивым. Гористые пустынные берега, зеленоватые, сухого тона, довольно резких очертаний. Во всём что-то новое глазу. Кое-где, почти у воды, маленькие крепости, с минаретами. Затем пошли селения, дачи. Когда пароход, следуя изгибам пролива, раза два повернул, было похоже на то, что мы плывем по озёрам. <...> Босфор поразил меня красотой, Константинополь»¹.

Внимание Бунина в этом первом путешествии привлекают национальные обычаи, традиции и картины повседневной жизни. По словам В.Н. Муромцевой-Буниной, Иван Алексеевич вместе с проводником Герасимом посетил «много всяких таверн, харчевен, ели кебаб прямо на улице, стоя, из кипящего жиром огромного котла... Заходили и в кофейни, где злоупотребляли турецким кофею, сладким, душистым и крепким». Бунин посещает частные дома, покупает себе феску на знаменитом базаре. Он чувствует себя своим среди местных жителей, они уже не чужие ему. «Сколько красивых, умных и энергичных мужских лиц, особенно среди турок из простонародья, из провинций, с берегов моря! Сколько гордых и приветливых глаз!». В этот период Бунин создаёт стихотворение «Стамбул», довольно детально описывая «блеск и нищету» великого древнего города:

Облезлые худые кобели
С печальными, молящими глазами –
Потомки тех, что из степей пришли
За пыльными скрипучими возами.

Был победитель славен и богат,
И затопил он шумною ордою
Твои дворцы, твои сады, Царьград.
И предался, как сытый лев, покою <...>

В свою следующую поездку в 1904 году, ставшую свадебным путешествием Буниных, Иван Алексеевич поразил жену «знанием этого сказочного города». Очередное возвращение Бунина в Турцию в 1907 году оказалось ещё плодотворнее. Он уже был знаком с районами города, с местными традициями, знал людей, которые помогали ему изучать окрестности. В этот период Бунин создаёт серию из одиннадцати прозаических поэм-очерков о Константинополе под

¹ Бунин И.А. Письма 1885–1904 годов. М., ИМЛИ РАН, 2003 г.

названием «Тень птицы» (1907-1911), и пишет стихи по новым впечатлениям:

Стамбул жемчужно-сер вдали,
От дыма сизо на Босфоре,
В дыму выходят корабли
В седое Мраморное море.

Дым смешан с холодом воды,
Он пахнет мёдом и ванилью,
И вами, белые сады,
И кизяком, и росной пылью <...>

В цикле «Тень птицы» особое внимание писатель уделяет значению храма Святой Софии, одной из святынь города: «Не знаю путешественника, не укорившего турок за то, что они оголили храм, лишили его изваяний, картин, мозаик. Но турецкая простота, нагота Софии возвращает меня к началу Ислама, рождённого в пустыне. И с первобытной простотой, босыми входят сюда молящиеся, – входят когда кому вздумается, ибо всегда и для всех открыты двери мечети. С древней доверчивостью, с поднятым к небу лицом и с поднятыми открытыми ладонями обращают они свои мольбы к Богу в этом светоносном и тихом храме»¹. Стихотворение «Айя-София» изобилует теми же мыслями и визуальными деталями; даже степень поэтичности текстов здесь почти идентична:

Светильники горели, непонятный
Звучал язык, – Великий Шейх читал
Святой Коран, – и купол необъятный
В угрюмом мраке пропадал <...>
<...> Всё молчало
В смиренной и священной тишине,
И солнце ярко купол озаряло
В непостижимой вышине <...>

Детальность повествования и общая лирическая тональность, пронизывающая путевые очерки, показывает нам, насколько художник и поэт Бунин брал верх над мемуаристом и описателем. По замыслу автора Турция была страной, на которую упала тень волшебной птицы Хумай, являющейся символом иранской и арабской мифологии, чьё имя переводится с персидского, как «птица, предвещающая счастье»: «Тень её приносит всему, на что падает, царственность и бессмертие»².

¹ «Тень птицы», И. А. Бунин. Онлайн-библиотека М. Мошкова: <http://lib.ru/BUNIN/tenx.txt>

² Там же.

Эпизоды из жизни современного ему Константинополя Бунин органично перемежает картинами прошлого: «Ветхость, запустение – как странны эти слова для вступающего в Турцию по Босфору! Ветхость – и чудовищные руины Румели-Гисар, её зубчатых твердынь и допотопной башни, глядящей из Европы в Азию, на красноватые развалины Анатоли-Гисар, от которой когда-то наводил мосты в Европу сам Дарий». Все дороги здесь благословенны: «Большая улица Стамбула, по которой мы возвращаемся в Галату, вид имеет милый, южный: много солнца, акаций, турецких таверн, где всегда так весело от чистоты мраморных столиков, цветов на них и приветливости хозяина в белом фартуке и феске». Не откажешь Ивану Алексеевичу и в остроумии: «...Дальше идут длинноухие, задумчивые ослики под корзинами с мусором и кирпичами, тяжело и быстро семенит носильщик-армянин, согнувшийся в три погибели под огромным зеркальным шкапом, от которого по домам мелькают весёлые блики солнца. Ковыляют на французских каблучках две толстеньких турчанки, с головой закутанные в фередже цвета засушенной розы. «Лица их, – думаю я словами Корана, – похожи на яйца страуса, сохраненные в песке». Но приподнялось как будто случайно покрывало – и я убеждаюсь, что прав Саади: «Не всякая раковина беременна жемчугом»¹.

Некоторым особняком в произведениях Бунина стоит «турецкий» рассказ «Крик», написанный в 1911 году. Сюжет его довольно прост: русский путешественник по пути из Египта в Батуми проходит через Босфор и на судне встречается с пожилым турком. Матросы угощают турка водкой и он, не привыкший к спиртному, вскоре пьянеет и засыпает на палубе. Ночью перед Стамбулом путешественник слышит «слабый рыдающий зов». Выйдя на палубу, он видит турка, который плачет об ушедшем на войну и, вероятно, погибшем сыне Юсуфе. Русский путешественник пытается приблизиться к нему, успокоить его, но турок не принимает его утешений. Всё это происходит на фоне удивительных, богатых описаний ночного Стамбула и Босфора. Здесь Бунин не жалеет ни красок, ни эпитетов, ни метафор: «Но всё в отдалении, – и холмистые побережья, и Золотой Рог, медленно раскрывающийся перед нами, и бледные призраки Скутари, Стамбула, Галаты, – всё подернуто матово-белесой чадрой, нежной, прозрачной, как драгоценные брусские газы». И дальше: «деревянные дома его предместий, лёгкие высокие минареты вокруг чашеобразных куполов белой Ахмедие, древний, дорогой мне купол Софии, сады Сералья и серую стену дворца Константина». Исследователь А.Б. Холодов полагал, что этот рассказ о плачущем турке оказался рассказом о вечных поисках человека, о стремлении души к Богу. По его мнению,

¹ «Тень птицы», И. А. Бунин. Онлайн-библиотека М. Мошкова: <http://lib.ru/BUNIN/tenx.txt>

символическим сюжетом рассказа становится один из распространенных в исламской традиции суфийских сюжетов об Иосифе Прекрасном – главном визире фараона Юсуфе. Бунин, по предположению исследователя, сознательно актуализирует суфийский миф о Юсуфе¹.

Тут можно немного углубиться в историю создания рассказа. В его основу лёг реальный факт. В своем дневнике В.Н. Муромцева-Бунина приводит историю о том, как во время плавания матросы для забавы напоили пассажира-грека (христианина). Этот сюжет Бунин помещает в действительность более красочную, интерпретируя его по-своему, где и сам исламский Восток становится действующим лицом.

Конечно, это далеко не всё, что можно рассказать о влиянии Востока на мировоззрение писателя. Эта тема – одна из важнейших в его творчестве и, как упоминалось выше, она ещё ждёт своих исследователей. Возвращаясь же непосредственно к биографии Бунина, замечу, что его дальнейшие личные планы по освоению Востока оказались фактически неосуществлёнными: не принявший революцию большевиков и не признавший Советской России, в следующий раз он увидел Стамбул лишь мельком, будучи уже в статусе беженца.

Это было самое непродолжительное и самое печальное посещение города – 16 февраля 1920 года пароход «Спарта», на котором плыли Бунины, прибыл в Стамбул-Константинополь. Вместе с другими беженцами их поселили в пригороде, в бывшем тифозном бараке, где несколько дней им приходилось спать на полу. Двор российского посольства был переполнен. Люди пытались достать визы, чтобы ехать дальше, в Европу. Кабинет начальника пункта едва ли не брали штурмом. Бунину повезло – им с женой удалось быстро получить визы на въезд во Францию. Покинув Турцию, писатель отправился в своё – теперь уже пожизненное – изгнание. Что творилось тогда в его душе – история не сохранила. Но сохранились стихи, проза, путевые заметки, позволяющие нам увидеть этот мир, – полный солнца, шума, запахов, криков чаек над голубым проливом, – именно таким, каким его видел Бунин.

¹ А.Б. Холодов. «Рассказ И.А. Бунина «Крик» в свете литературных и мифологических параллелей». – URL: <http://dspace.onu.edu.ua:8080/bitstream/123456789/11965/1/145-151-1.pdf>